

Лилия Подгайская

ТАЙНЫ СТАРЫХ ЗАМКОВ — 2

Сборник исторических новелл

Количество замков, стоявших на нашей земле, огромно. К сожалению, очень немногим из них повезло дожить до сегодняшних дней. Но память людская хранит истории и тех, которые стоят нынче в руинах, и тех, следы которых давно уже стёрлись с лица земли. Память о них жива.

Роковая ошибка князя Пшемысла

*Великопольское княжество
Княжеский замок в Познани
Осень 1283 года*

Сегодня на Замковой горе в Познани возвышается нарядный, как конфетка в блестящей упаковке, красивый новенький замок, который жители окрестили «Гаргамель». Он должен знаменовать собой многовековой княжеский замок, переживший множество катаклизмов и не устоявший до наших дней. Должен..., но не

знаменует. Потому что у этого игрушечного замка нет ничего общего с воздвигнутой Мешко I Пястом могучей цитаделью прошлых веков, и заложенные в него современные строительные материалы ничегошеньки не могут рассказать нам о трагических событиях, сотрясающих княжескую крепость.

А началось всё с неблагоприятного поведения князя Пшемысла, именем которого именуется сегодня Замковая гора, и допущенной им роковой ошибки. Он ведь уже не мальчик был, и должен бы понимать, что доведенная до отчаяния, обманутая в своих ожиданиях, обездоленная женщина способна на многое, даже не имея под рукой армии, готовой выступить на её защиту. И не стоило ему играть с огнём...

Пшемысл II Пяст был сыном Пшемысла I, князя Великой Польши. Будучи двадцати четырёх лет отроду Пшемысл-старший женился на Эльжбете Силезской, дочери Генриха II Вроцлавского. Это был очень выгодный брак, он развязал Пшемыслу руки для борьбы за Калиш, который принадлежал тогда князю Владиславу Опольскому. Калиш он отбил, но воевать приходилось постоянно. После того, как тесть пал в неравной битве с огромным монгольским войском при нашествии Батыя на Европу, довелось

схлестнуться даже с братом жены Генрихом III Вроцлавским, а это был сильный князь и воинственный к тому же.

Но как бы ни были часты битвы в жизни князя Пшемысла I, свой супружеский долг он исполнял неукоснительно. И в семье одна за другой стали появляться дочери — четыре подряд. Рождения долгожданного сына князь не дождался — мальчик появился на свет через четыре месяца после безвременной смерти отца, которому было всего тридцать семь лет. Именно по этой причине маленький Пшемysl получил странное прозвище Погробовец.

Воспитателем юного Пшемысла стал его дядя, младший брат отца Болеслав, которого прозвали Благочестивым. Он добросовестно исполнял обязанности опекуна, не вспоминая даже давней обиды, когда старший брат три года продержал его в темнице, усомнившись в его верности. Правда, потом вернул ему свободу и отдал под его руку Калиш, себе оставив Познань. Но то было давно, а Болеслав не отличался злопамятностью. Он много времени уделял племяннику, обучая его воинскому искусству и навыкам государственного управления. А когда княжичу исполнилось шестнадцать, доверил ему встать во главе армии, которая шла против маркграфа Бранденбургского, их давнего противника. Конечно, рядом были опытные и

надёжные люди, которые фактически вели войско, но молодой Пшемьсл был безмерно горд этой высокой честью. Поход был не слишком удачным и не принёс им славы, да и княжич, похожий внешне на отца и дядю, статный и видный даже в этом возрасте, особыми воинскими талантами не обладал. Хотя воевать ему понравилось, и в последующие годы он много времени отдавал военным походам.

Заботливый Болеслав решил, что и ему самому, и племяннику, который как-то незаметно вырос и стал почти взрослым, не мешало бы обзавестись надёжным и сильным союзником. А что может связать людей лучше, чем брачный союз? И он просватал за Пшемьсла дочь герцога Мекленбургского Людгарду. Девочке было двенадцать лет, и ей очень понравился жених, пригожий и весёлый. Но она была слишком молода, и два года ей пришлось дожидаться своего часа в доме у дядюшки Болеслава, под опекой его супруги княгини Иоланты, в прошлом венгерской принцессы, дочери короля Белы IV. Иоланта была очень набожной женщиной и хорошо относилась к юной родственнице, внушая ей благочестивые мысли. Но девушке хотелось поскорее попасть в объятия своего красивого мужа, жизнь рядом с ним казалась ей сплошным праздником. Но Пшемьсла не было рядом. Получив от дяди в управление

Познань, молодой князь отправился туда незамедлительно, полный воинственных планов.

Познань — центр Великопольской земли — разрастался на глазах. Главным сооружением города была, конечно, крепость на Замковой горе, поставленная здесь ещё Мешко I Пястом. Замок был мощным, с надёжными стенами и высоким квадратным донжоном на четыре этажа. На самом верху башни, на крыше, её обвивал широкий парапет, где днём и ночью несли охрану бдительные воины, которым с такой высоты были далеко видны окрестности.

А внизу, под Замковой горой, раскинулся город, который год от года становился краше. На рыночной площади шла бойкая торговля. Местные ремесленники предлагали горожанам изделия рук своих, на все лады расхваливая выставленный на продажу товар. А заезжим купцам и кричать не надобно было — их лёгкие заморские ткани, богатые пряности и ароматические масла сами манили к себе, но далеко не каждому покупателю были по карману. А вокруг, не покладая рук, трудился мастеровой народ — возводили высокие оборонные стены и начали строить ратушу. Пшемыслу город его понравился. И в замке собрал он возле себя людей верных и весёлых, чтобы и в поход военный сходить, и застольем от души

побаловаться. Любил он разудалое застольное веселье.

А юной Людгарде казалось, что время идёт очень медленно. В доме князя Болеслава её никто не обижал, но здесь было слишком спокойно и благочестиво. Дома она жила намного веселее. Её отец, князь Мекленбургский Генрих I Пилигрим был женат на дочери померанского герцога Анастасии. И когда отец отправился в крестовый поход на Литву, а потом и вовсе отбыл в Святую землю, делами в Мекленбурге остался заправлять его старший сын Генрих II Лев, а Людгарда с матерью отправились к деду в Щецин. Герцог Померании Барним I Добрый был действительно добрым человеком, и он любил свою внучку. Девочке были позволены прогулки по прекрасному приморскому городу, она видела море, любовалась огромными кораблями, когда они, распустив громаду парусов, покидали порт и исчезали в туманной дали. Тогда жизнь была ключом, а сейчас замерла как придавленная холодом осенняя муха.

Но, наконец, время ожидания кончилась. Людгарде исполнилось четырнадцать лет, и за ней приехал её восемнадцатилетний муж, показавшийся девушке ещё красивее, чем прежде. В нём уже чувствовался воин, и в его сильных руках молодая жена таяла как воск. Она предалась любви со всем пылом расцветающей женственности, но была

совершенно невежественна в вопросах постельных утех. Мать не успела научить её, а тётушка была слишком благочестивой, чтобы говорить на эту тему. Молодой муж охотно взял её девственность, но обучать её телесной любви не стал, он предпочитал умелых женщин. К тому же, привезя жену в свой замок в Познани, он с новой энергией предался развлечениям в компании своих друзей, а потом и вовсе уехал воевать.

Людгарда осталась одна. Думала на несколько недель, оказалось, что на долгих десять лет. Муж часто отлучался в военные походы, а возвращаясь в свой замок, не спешил в объятия супруги. Она казалась ему скучной, а он любил веселье. Посещение супружеской постели было с его стороны большой редкостью, а когда его упрекали в невнимании к жене, он отвечал, что на его несчастье она бесплодна, и никак не может родить ему сына. А как она могла это сделать, если долгие холодные ночи проводила в одиночестве, в то время как её муж предавался веселью от всей души? И сердце молодой женщины ожесточилось. Она возненавидела замок, который стал для неё, по сути, клеткой, из которой не было выхода, и всё чаще злилась на князя.

Терпение молодой княгини оборвалось, когда её супруг, поехав на важную встречу со своими единомышленниками, угодил в плен к своему

кузену по материнской линии Генриху IV Пробусу, князю Вроцлавскому. Удивляться этому особенно не приходилось, поскольку ещё Пшемисл I, женившись на Эльжбете Силезской, довольно скоро вошёл в конфронтацию с её родным братом Генрихом III Белым. Теперь его сын был не в ладах с наследником Генриха. Так или иначе, кузен продержал Пшемисла в плену несколько месяцев, требуя от него солидного выкупа. Здесь было не так и плохо, если говорить честно. Никто не бросал Пшемисла в подземелье и не заковывал в цепи. При дворе Вроцлавского князя очень любили веселье и музыку, часто пели менестрели, и Пшемисл пристрастился к этому искусству. Выкуп, конечно, пришлось заплатить, и немалый, но, возвратившись домой, князь не стал горевать, а собрал свою весёлую компанию и предался разудалому веселью, которое слышно было далеко за стенами замка, да и видно, поскольку множество свечей освещали в ночи зал, где веселился князь, и он сверкал как волшебный фонарь. К жене Пшемисл пройти не удосужился, рассудив, что вполне сможет выполнить этот скучный долг позднее, когда отведёт душу после позорного плена.

Одинокая и несчастная, стояла Людгарда у открытого окна и слушала звуки разудалого веселья. И тут в душе её что-то сломалось окончательно. Чёрная злоба закрыла собой весь

свет, и княгиня отчётливо и ясно проговорила страшные слова проклятия. Она с огромной энергией бросала в ночь проклятия этому замку, ставшему её узилищем, и своему мужу, сделавшемуся по собственному почину её тюремщиком. Пусть все возможные беды обрушатся на замок этот, пусть не останется от него камня на камне, говорила княгиня, а князь Пшемисл пусть никогда не найдёт счастья с другой, и никогда не получит сына.

Потом, немного успокоившись, княгиня принялась строить планы своего побега из ненавистного замка, от ставшего лютым врагом мужа. Пусть позор, пусть люди осудят, но жить так больше она не могла. Быть может, жив ещё дед, он никогда не откажется принять её и приютить. Но совершить это раньше весны не удастся. Сейчас уже осень, скоро станет совсем холодно. А она пока будет готовиться. Своим планом княгиня поделилась с верной служанкой, которая приехала с ней сюда из родного дома, и они стали обсуждать детали побега, стараясь делать это вдали от домочадцев. Но не зря говорят, что у стен есть уши, особенно у стен старинных замков. И о планах княгини стало известно Пшемислу. Допустить такого позора он не мог, это нарушило бы многие его планы и расстроило выгодные союзы. И в начале зимы княгиня Людгарда внезапно умерла,

едва дожив до двадцати двух лет и будучи совершенно здоровой. О причине её смерти особо не распространялись, но по углам пошли шепотки, что жизнь её оборвал удар кинжала, и кинжал тот был князев, и окровавленная одежда Пшемысла тоже якобы нашлась. Громко говорить о таком не решался, разумеется, никто.

Княгиня внезапно скончалась 14 декабря, а уже на другой день её отпевали в кафедральном соборе в Гнезно. Пшемысл явно старался поскорей закончить всю эту эпопею со своей неудачной, как он считал, женитьбой, а для очистки совести сразу же принялся возводить в городе доминиканский монастырь. Но что удивило всех присутствующих на погребении, так это появление таинственного рыцаря в чёрных доспехах, который горько оплакивал безвременно ушедшую из жизни молодую Людгарду. Узнать, кто он, крайне заинтересовавшемуся этим фактом князю не удалось, рыцарь бесследно исчез, словно растворился в воздухе. А потом, как утверждали горожане, вокруг замка стал бродить лунными ночами призрак печальной княгини Людгарды, а время от времени появлялся и Чёрный рыцарь, и всё это страшно пугало запоздалых прохожих.

Князь Пшемысл же продолжал жить, как и раньше, предаваясь любимым застольям в сопровождении сладкоголосых менестрелей и

время от времени уходя в очередной военный поход. Но проклятие, выпущенное на свободу несчастной Людгардой в минуту наивысшего накала чувств, уже начало свою разрушительную работу. Мало того, что призрак его убитой жены разгуливал вокруг замка, и ему донесли об этом, так ещё и у самого князя дела пошли не так хорошо, как ему хотелось бы.

Начать с того, что он так и не нашёл счастья в супружеской жизни, которым могли похвалиться другие. Думал, в этом повинна Людгарда, надоевшая ему своим желанием ласк и не умевшая дарить их сама. Но оказалось, всё было намного хуже. Чтобы получить радость в семейной жизни, нужно было дарить любовь женщине самому. А его этому заботливый дядюшка не научил, а сам он не догадался.

Когда спустя два года князь Пшемисл женился повторно, он выбрал дочь шведского короля Вальдемара Рыксу. Она принесла ему хорошее приданое и возможность новых политических союзов, поскольку старые уже себя в значительной мере исчерпали. Но молодая жена не дала князю ни радости, ни желанного сына. Через год после свадьбы она родила дочь Эльжбету Рыксу, и это было всё. Шведка прожила с ним всего лет шесть, не больше, и пришлось снова искать жену. Её он нашёл в стане своих западных соседей,

с которыми глухо враждовал долгие годы, — Малгожата Бранденбургская была дочерью Альбрехта III, герцога Саксен-Лауэнбургского. И опять ни радости, ни сына.

В делах княжеских везло больше. Наследственно полученные земли так и сыпались на него со всех сторон. Умерший через шесть лет после его первой женитьбы дядюшка Болеслав оставил ему во владение свои земли, чем сделал владыкой всей Великой Польши. Правда, вдобавок к этому оставил заботу о своей жене, Иоланте Польской и двух малолетних дочерях. С опекой Пшемисл справился достойно — старшую из кузин, Ядвигу, отдал за Владислава Локотка, которому судьба пророчила в будущем королевский трон, а тётушка с младшей дочерью и вовсе освободили его от забот, уйдя в монастырь. Потом он получил Поморье после смерти бездетного Мсцивоя Поморского, а затем и Краков. Хотя за него война разгорелась не на шутку. Когда ушёл из жизни король Лешек Чёрный, не оставив наследника, к короне тянулись Мазовецкие Пясты и чуть не одолели. Но в дело вмешался Генрих Пробус Вроцлавский и получил трон. Но вскоре и он умер, однако напоследок оправдал своё прозвище Честный и передал корону кузену, с которым воевал неоднократно, и который его, бывало, предавал в постоянно меняющихся союзах.

Тут, однако, удача изменила Пшемыслу. К стенам Кракова подошёл со своей армией Вацлав II Чешский, который тоже претендовал на малопольскую корону. Встать против военной мощи Пржемысловичей у Пшемысла не хватило духу, и он покинул замок на Вавеле, прихватив с собой все королевские регалии Болеслава Щедрого — он нацелился стать королём Польши. И вот, наконец, в Гнезненском соборе, где двенадцать лет назад отпевали убиенную им немилую ему княгиню Людгарду, состоялось торжественное возложение короны Польши на голову князя Пшемысла. Хотя если говорить честно, то о Польше как таковой речь не шла, в его руках были только Великая Польша и часть Поморья. Но он владел королевскими регалиями, и это решило дело. В самый разгар торжества, когда звучали величественные звуки ангельского пения, Пшемыслу показалось вдруг, что на хорах собора он увидел свою бывшую жену Людгарду. Она, как ни странно, улыбалась, но улыбка эта была сродни волчьему оскалу, и от неё так и веяло коварством. Князь, вернее, уже король, моргнул, и видение исчезло, но тяжесть на душе осталась.

Эту непонятную тоскливую тяжесть можно было прогнать только хорошо известным способом развесёлого застолья, и король Пшемысл II погрузился в веселье. Но веселиться, как оказалось,

ему оставалось совсем мало. Не прошло и полгода, и после одного из таких громких пиров, когда все перепились вдрызг, на короля было совершено покушение. Несколько сильных мужчин, вооружённых огромными кинжалами, надели на него. Он сопротивлялся отчаянно, но силы были неравны. Окровавленное тело бросили на дороге, и пока перебравшие лишнего охранники оклемались и нашли его, спасти короля было уже поздно.

Так бесславно закончилась жизнь Пшемысла II, князя и короля, который всё время стремился к завоеванию больших владений и обретению более полной власти, но не умел ценить ни верность, ни дружбу, ни любовь. И было королю всего тридцать восемь лет. С его смертью пресеклась великопольская ветвь династии Пястов, поскольку наследника Пшемысл так и не получил. А его единственная дочь со временем стала женой короля Чехии из враждебной ему династии Пржемысловичей, того самого Вацлава II, который изгнал его из Кракова. Вот так распоряжается иногда капризная Фортуна судьбами человеческими.

Но ещё больше чем Пшемыслу не повезло королевскому замку в Познани.

После смерти короля замок перешёл в руки представителей Глогговской ветви династии Пястов, и со временем Казимир III Великий сделал из него

могучую крепость. Но потом замок стал претерпевать разрушения, они валялись на него одно за другим. Его восстанавливали, но всё было напрасно, замок рушился опять. Когда в XVI веке великопольский староста Лукаш Гурка взялся за очередное восстановление замка, ему пришлось почти все здания возводить практически с нуля. И когда этот титанический труд уже подходил к концу, на замок обрушилась новая беда — его уничтожил грандиозный пожар. Замок упорно восстановили вновь, но, правда, уже в другом стиле, отвечающем духу времени. Однако тут подоспела Северная война, и шведы очень сильно повредили замок, а следом русская и саксонская армии довершили дело. Опять на Пшемысловой горе торчали одни развалины. Восстановленный вновь, замок умудрился дожить до Второй мировой войны, но тут уж пощады ему не было. Замок оказался в эпицентре боёв за форт Виняры, и от него буквально не осталось камня на камне, как пожелала много веков назад несчастная княгиня Людгарда. То, что стоит сегодня на Замковой горе, это уже совсем другой замок, не имеющий ничего общего с его трагической историей. Это — только повод рассказать любознательным туристам сложную историю страны.